

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

М.КОРШУНОВ

ФЛАГ

ЗАБАСТОВКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

М О И П Е Р В Ы Е К Н И Ж К И

М.КОРШУНОВ

ФЛАГ ЗАБАСТОВКИ

РИСУНКИ В. ЕВДОКИМЕНКО

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Москва 1968

ФЛАГ ЗАБАСТОВКИ

Лёнька работал в механическом цехе уборщиком. Высокие стоптанные сапоги приходились Лёньке повыше колен, а зелёная армейская куртка, подарок солдата, была Лёньке так широка, что он подвязывал её бечёвкой.

Возил Лёнька по цеху большую деревянную тачку, а на тачке метлу и железный крюк, чтобы оттаскивать им от станков вороха металлических стружек.

Подъедет Лёнька к станку, подметёт вокруг него, нагрузит стружки на тачку и увозит на склад, где собирали по заводу утиль.

За белую кудрявую голову окрестили рабочие Лёньку «Седеньким».

— Эй, Седенький, — доносилось сквозь шум станков из одного конца цеха, — кати сюда!

— И к нам заверни, Седенький! — просили из другого конца.

И Лёнька, гремя тяжёлыми сапогами, катил тачку от станка к станку, убирал, подметал и опять катил, наваливаясь на неё грудью, и опять подметал, выскребал и чистил.

Единственным Лёнькиным развлечением было подъехать с тачкой к токарному или фрезерному станку и наблюдать, как ползёт от станка, скручивается стружка.

Лёнька уже знал, что сталь даёт белые, синие и малиновые стружки. Они острые и могут поранить. Когда точат медь, то стружка получается жёлтая и мягкая, как бумага. От чугуна летит серое мелкое крошево. А самые приятные — это бронзовые. Они струйкой сыплются из-под резца; подставишь ладонь — тёплые, будто речной песок.

Был у Лёньки друг и заступник, Никита Савельевич, молотовой мастер. Он работал на паровом молоте.

Лицо и руки Никиты Савельевича были тёмными от постоянного огня в кузне. Ходил он в валенках, чтобы искры не палили ног, и в кожаных нарукавниках.

В свободное время Лёнька приходил к Никите Савельевичу в кузнечный цех.

Грохотали, шипели горячие от пара молоты. Клокотали в горнах нефтяные горелки, сотрясались бетонные полы.

У Никиты Савельевича для Лёньки всегда находился ка-

кой-нибудь гостинец: петушок из леденца, ириска, ромовый кренделёк.

Однажды осенью решили рабочие повесить красный флаг, чтобы все в районе видели, что они бастуют, и присоединились к ним.

Решить-то решили, но куда повесить флаг?

На ворота? На здание цеха? На каланчу? Нет, всё это не годится: городовые мигом его сорвут.

И рабочие придумали: повесить его на заводскую трубу. Но как залезть на трубу и кто полезет? Вот вопрос. Скобы, вбитые в неё, были старые и ржавые, так что человек, который отважится подняться, должен быть лёгким и цепким.

Прослышал об этом разговоре Лёнька и начал упрашивать Никиту Савельевича, чтобы рабочие разрешили ему, Лёньке, подняться — он и лёгкий и цепкий.

Вызвали Лёньку члены стачечного комитета, поглядели на него и сказали:

— Доверяют тебе рабочие свой революционный флаг. Понимаешь ты это?

Лёнька одёрнул свою солдатскую куртку и ответил:

— Как не понять. Понимаю.

...Над слободой стояли тёмные в тумане ночи. Плавала на лужах копоть. Грязь затопила дороги. Окна заводских корпусов не озарены пламенем печей — тихо и безлюдно.

Молчат машины: забастовка.

В одну из таких ночей и было решено поднять флаг.

Слесари прикрепили к стальному стержню красное полотнище и передали его Никите Савельевичу.

Ночью Никита Савельевич, Лёнька и ещё несколько рабочих подобрались к трубе. На случай, если нагрянут сторожа, выставили дозорных.

— Ну, — сказал Никита Савельевич, — полезай.

— Сапоги скинь, — посоветовал Никита Савельевич Лёньке. — Нога может соскользнуть.

Лёнька снял сапоги. Кузнец пристроил ему на спине флаг, чтобы руки свободными были. Лёнька чувствовал, как напряжённо стучало сердце, будто оно одно занимало всю грудь. А вдруг он не долезет? Не сумеет?

Никита Савельевич крепко обвязал Лёньку верёвкой с крючком на конце. Полезет Лёнька и будет на скобы, которые поцелее, крючок накидывать, чтобы не сорваться, если нога соскользнёт или руки устанут.

А на заводском дворе по-прежнему тихо, мелкий дождь только шелестит.

— Ну, — сказал Никита Савельевич, — полезай.

Лёнька кивнул и босиком начал карабкаться по трубе. Его небольшая фигурка медленно скрылась в тумане.

В напряжённой тишине прошло минут десять. Вдруг шорох: спускается Лёнька. Все смотрят... а флаг с ним.

— Ты что? — спрашивает Никита Савельевич.

Лёнька съёжился и молчит.

— Да что с тобой? Озяб, может?

— Забоялся, — проговорил Лёнька, а сам в глаза Никите Савельевичу не глядит. — Там скобки ослабли. Под ногами шевелятся.

Молчат рабочие. Ветер по небу, точно чёрный дым, тучи гонит.

— Что ж, коли так, — сказал наконец Никита Савельевич, — пошли по домам.

— Нет, — горячо зашептал Лёнька и схватил кузнеца за руку, — дядя Никита, не уходите! Я ещё раз испробую. Я и по крышам лазил, и на колокольню — ничего. А по трубам не лазил. Попервому всегда боязно. Ветер там, аж качает.

*Лёньке навсегда запомнилось, как развернулось и ожило
на ветру большое красное полотнище.*

— Ну ладно, — сказал Никита Савельевич. — Сядем, покурим. А ты, Лёнька, передохни, успокойся.

Рабочие присели на платформу грузового крана, который стоял рядом, и закурили, пряча в кулаке огоньки папирос. Сидели согнувшись и молчали. Когда докурили, Никита Савельевич подошёл к Лёньке и сказал:

— Только оберегайся. Иначе не пущу.

Лёнька снова карабкается по трубе. Скобки влажные, холодные, от них стынут пальцы. Дует мокрый ветер. Чем выше взбирается Лёнька, тем сильнее он дует. Лёнька прижимается к кирпичам, прячет от ветра лицо. У Лёньки намокла голова, струйки воды стекают за широкий ворот куртки.

Внизу, сквозь дождь, блестят огни дальних посёлков. Лёнька закрыл на мгновение глаза; высоко-то как, только бы не испугаться! Пальцы на ветру коченеют, больно сгибать их.

Где же конец трубы? Скоро ли?

Лёнька одной рукой держится, а пальцы другой руки в рот кладёт, согревает. Маленький, щуплый, прибился он к трубе и висит над пропастью.

Лёнька подтягивается на руках, упирается ногами и метр за метром продвигается выше.

Потом он уже смутно помнил, как добрался до вершины трубы, как приворачивал проволокой к громоотводу стержень с флагом, и только одно Лёньке навсегда запомнилось, как развернулось и ожило на ветру большое красное полотнище. А Лёнька, ухватившись за громоотвод, плакал от счастья и слушал, как полотнище хлопало над самой его головой.

Наутро приехал пристав и объявил, что даёт пятнадцать рублей тому, кто флаг снимет. Но охотников рискнуть не нашлось.

Весь день провисел красный флаг.

Пристав сорок рублей назначил. По тем временам это большие деньги были. Рабочему их и в месяц не заработать. И вот нашёлся один желающий — предатель и провокатор Тюха. Добрался этот Тюха до скобок, которые шатались, да струхнул и вернулся.

Обуяла тогда ярость полицию, и давай они флаг из винтовок расстреливать. Хотели пулями древко расщепить. Но слесари не зря стальной стержень подобрали — не переломишь его даже пулями.

А флаг себе развеивается! И бастуют уже рабочие в районе на всех заводах и фабриках!

* * *

Через много лет после Октябрьской революции заводскую трубу одели в леса, чтобы отремонтировать. Верхолазы ещё с земли обратили внимание, что громоотвод на трубе длиннее обычного и толще. А когда они поднялись до конца трубы, до её короны, то разглядели, что к громоотводу привязан стальной стержень.

Верхолазы хотели снять его, но об этом узнали рабочие и позвали Никиту Савельевича.

И кузнец рассказал про мальчика Лёньку, про то, как он поднял флаг и какое это имело значение для всеобщей забастовки.

Вскоре ремонт трубы закончили и леса убрали.

Стоит теперь труба чистая, без трещин, без копоти, а под солнцем сверкает стальной стержень.

ПЕЧАТЬ

В конце проулка Нюта увидела конных жандармов. Сквозь пыль, поднятую копытами сытых лошадей, посверкивали на солнце кокарды и литые медяшки пуговиц на мундирах.

Нюта кинулась в дом к матери. Она догадалась, что жандармы скачут к ним: ведь Нютина мама, Ольга Егоровна, — член подпольной большевистской партии.

Вскочив на крыльце, Нюта закричала:

Нюта схватила печать и, волнуясь и торопясь, начала обматывать её шерстяной ниткой.

— Мама! Жандармы!

Мать втолкнула дочку в дом, поспешила закрыть дверь на цепочную завёртку:

— Тише... Не кричи.

В окно видно было, как жандармы разделились на две группы и начали окружать дом.

Жандармы подозревали, что в этом бревенчатом домишке, с венцовой рубкой по углам и с провисшей ветхой крышей, хранилась маленькая резиновая печать коммунистов-подпольщиков.

Ольга Егоровна отперла юфтеый баульчик, вытащила из-под шёлковой подкладки печать. Печать необходимо было спрятать.

Но куда?

Подпороть матрац и сунуть в него — найдут. Хитрость с матрацем — это для жандармов не ново. Швырнуть в поддувало печки — разгребут золу и найдут. Закатить под сундук — найдут.

Но куда же тогда? Куда?..

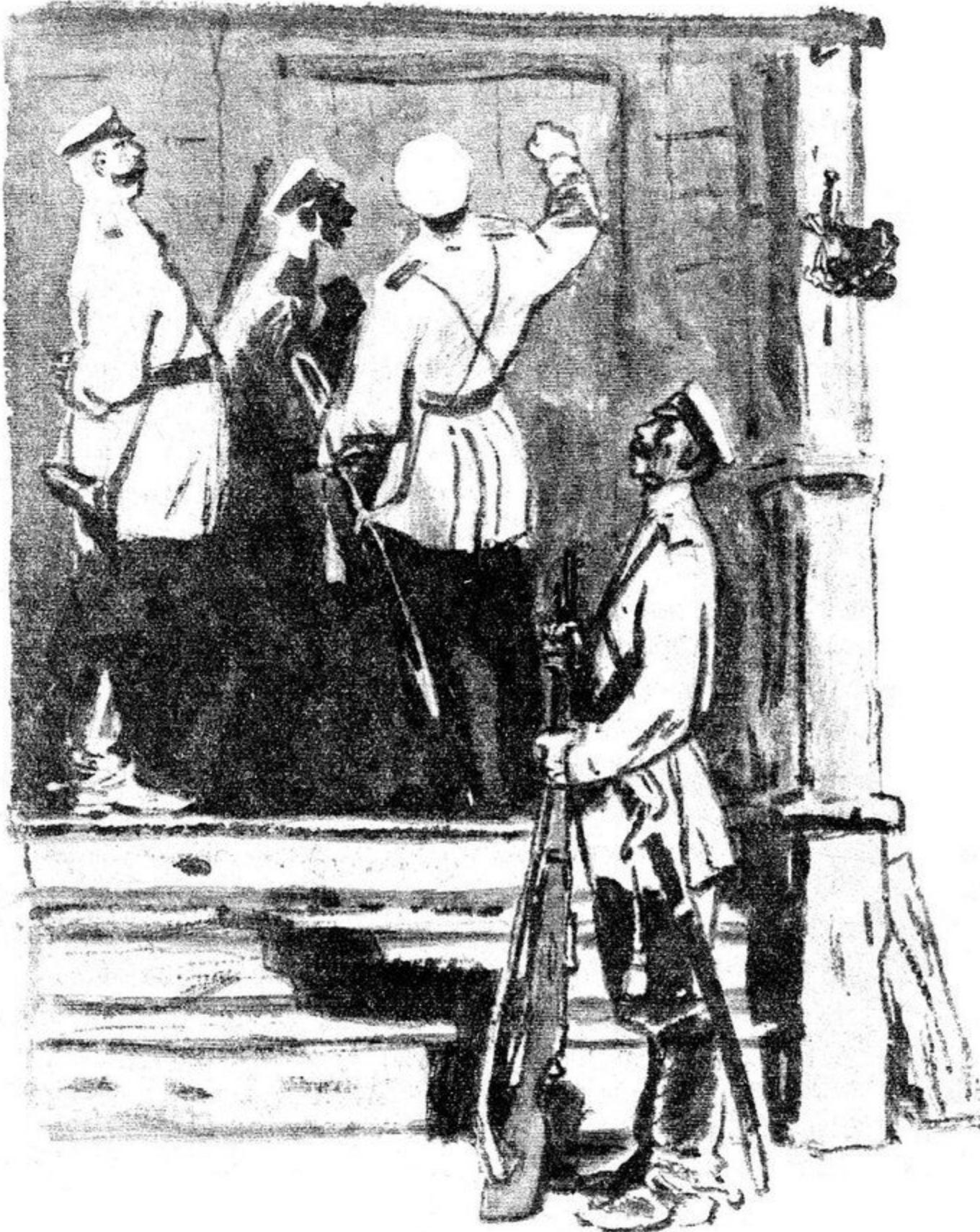
Нюта, испуганная, молча прижалась к столу, на котором стоял картонный коробок с вязальными спицами и клубками шерсти.

На улице у палисадника уже слышны были голоса жандармов. Жандармы спешились и привязывали к изгороди лошадей.

Ольга Егоровна поспешила вытащила из коробка клубок чёрной пушистой шерсти и сунула его Нюте вместе с печатью:

— Обматывай печать. Быстрее, доченька, быстрее, милая. А я их задержу!

Нюта схватила печать и, волнуясь и торопясь, начала обматывать её шерстяной ниткой. Нюта хорошо понимала, что

Вот жандармы уже на крыльце.

безопасность мамы и маминых друзей — подпольщиков — зависела сейчас от проворства её пальцев.

...Шаги жандармов слышны у крыльца. Вот жандармы уже на крыльце.

Нютины пальцы мотают шерстяную нитку, мотают.

Громкий стук в дверь.

— Кто? — спокойно спрашивает мама.

— Откройте!

— Я не одета, подождите.— И мама подходит к окну, так чтобы её голова и руки заметны были жандармам, и делает вид, что ищет платье.

А Нютины пальцы мотают шерстяную нитку, мотают.

Жандармы подождали минуту-другую, но потом потеряли терпение и загрохотали в дверь сапогами, рукоятками шашек:

— Откройте! Немедленно откройте!

— Сейчас открою. Видите, одеваюсь...

Мама не отходит от окна и смотрит на пальцы Нюты:

— Быстрее, доченька, быстрее!

Хрустят тонкие доски, напряглась, натянулась цепочная завёртка. Из её проушины высываются погнутые мелкие винты — один, потом второй, потом третий... Дверь вот-вот распахнётся.

Но ёщё одно мгновение — печать обмотана вся, и Нюта бросает её в картонный коробок.

Теперь пусть входят жандармы, пусть попробуют догадаться, где спрятана печать коммунистов-подпольщиков.

Нет, не догадаться им, не найти её в клубке чёрной пушистой шерсти!..

СОДЕРЖАНИЕ

Флаг забастовки	3
Печать	11

для СТАРШЕГО дошкольного возраста

Коршунов Михаил Павлович

ФЛАГ ЗАБАСТОВКИ

Ответственный редактор *Л. Я. Либет*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический
редактор *О. Н. Иванова*. Корректор *Л. М. Агафонова*.
Сдано в набор 3/VII 1968 г. Подписано к печати 4/X 1968 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 1. Усл. пч. л. 1,17. Уч.-изд. л. 0,83. Тираж 1 750 000 экз. ТП 1968 № 131. Цена 4 коп. на бум. № 2.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглобполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 484.

Цена 4 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Мои первые книжки» для детей дошкольного возраста в 1968 году издается:

Аким Я.	— НЕУМЕЙКА
Барто А.	— МЛАДШИЙ БРАТ
Житков Б.	— КРУЖЕЧКА ПОД ЕЛОЧКОЙ
Маршак С.	— МЯЧ
Носов Н.	— ДРУЖОК
Токмакова И.	— ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА
Толстой Л.	— АКУЛА

Эти книги вы сможете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации. Книги могут быть заказаны и высланы по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB/